

Евгений Батраков

**Церковь -
коллективный Иуда**

16+

Евгений Батраков

Церковь – коллективный Иуда

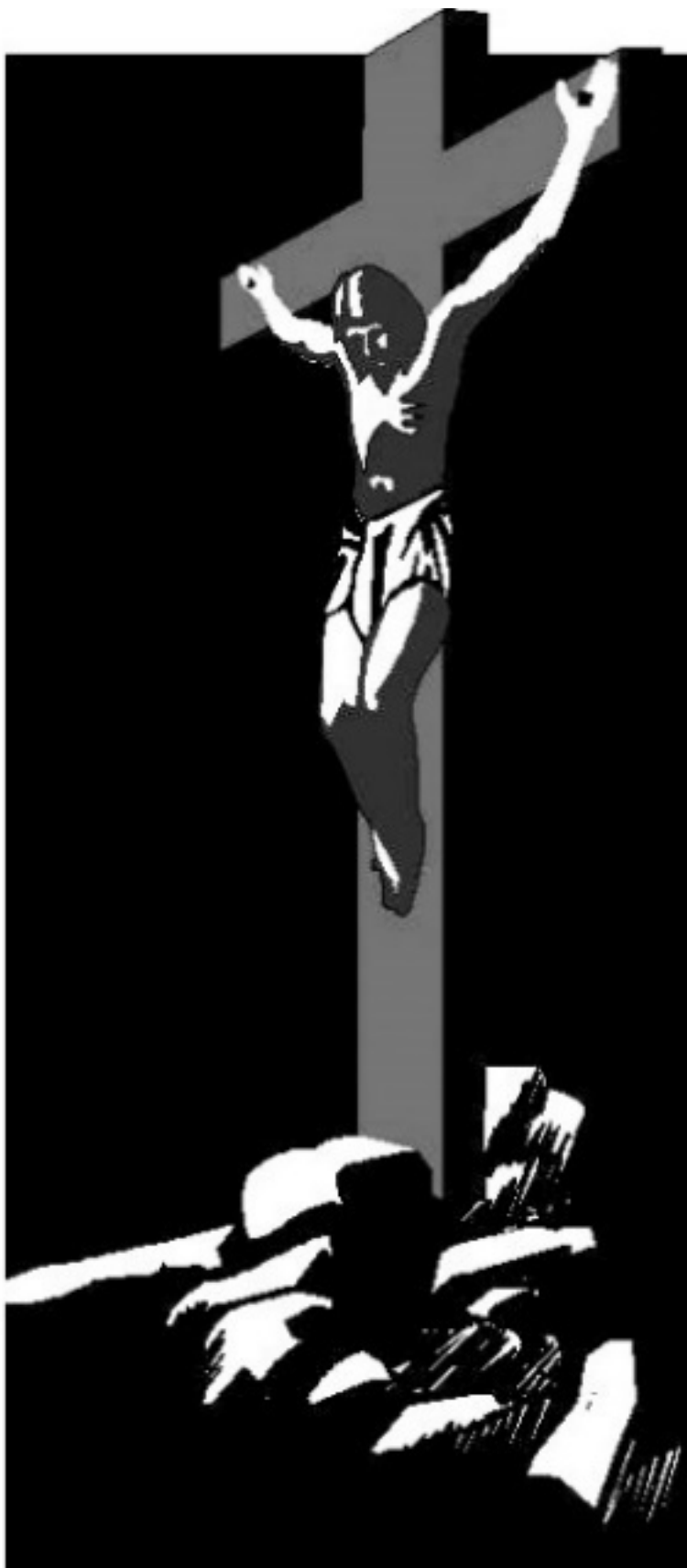
«ЛитРес: Самиздат»

2019

Батраков Е.

Церковь – коллективный Иуда / Е. Батраков — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

Существуют исторические темы, которые оказывают влияние на позицию, которую занимает человек не время от времени, но ежесекундно, ибо ежесекундно он делает тот или иной выбор. К такого рода темам, вне всякого сомнения, относятся религия, государство, личность. К сожалению, именно они и чрезвычайно мифологизированы, искажены в угоду заинтересованным интерпретаторам. Об этом и не только об этом, книга, которую Вы держите в своих руках.

*Разве можно ждать от вас пощады?
Даже Бог у вас прибит к кресту!
Юрий Нестеренко*

Становление сознательного христианина, как подсказывает мне мой духовный опыт, начинается с момента принятия твердого решения жить сообразно с учением Иисуса Христа, ради собственного своего Спасения и дабы брэнная жизнь озарилась смыслом.

Второй шаг – крещение [греч. βάπτισμα – погружение] – наиважнейшее таинство, благодаря которому человек становится членом Церкви, и получает возможность принимать участие в Евхаристии – вкушении Святых Даров. И вот этот-то момент в наших рассуждениях и представляется самым наиважнейшим! Не потому что люди, как утверждают церковники, через причащение Телу и Крови Христовым, соединяются с Господом и друг с другом во Христе. В ракурсе рассматриваемой темы, актуально иное – то, **что** церковники, грубо попирая в интересах византийских и иудейских виноделов семантику Евангелий, выдают за Святые Дары, и **какие** свои воззрения на «рецептуру» Даров они так бесцеремонно канонизировали.

Почему в интересах именно виноделов и даже, добавим, при их непосредственном соучастии? А вы представляете, что было бы, если бы возникшая и стремительно распространяющаяся мировая религия выставила бы спиртное за пределы своей этики и ритуалики, и начертала на своих знаменах: «Не смотри на вино...», «вино – глумливо, сикера – буйна» (Притч. 23:29, 20:1), и стала бы религией трезвенников?

Конечно, подобные возмутительные ветхозаветные высказывания надобно было решительно нейтрализовать, что и было сделано при переводе Ветхого Завета на греческий язык.

Обратимся к истории данного вопроса.

В Античном мире в период с V века до н. э. по V век н. э. самым крупным производителем вина, и, соответственно, виноторговцем была Эллада (Древняя Греция). Уже тогда в этой стране сортовой фонд винограда насчитывал до 150 названий, а ассортимент изделий из него был представлен сотнями наименований. Торговля вином бойко шедшая не только в самой Элладе, но и в странах Азии и Северной Африки, формировала жирные потоки денег, позволяющие ставить себе на службу не только отдельных граждан, но и общественные, политические, государственные образования, и даже – оказывать влияние на мифологию.

Так, в частности, произошло в Афинах, где Писистрат, не без поддержки виноделов, в 546 году до н. э. захватив власть, установил тиранию и «сделал Великие, или городские, Дионисии **официальным** всенародным праздником во всей Аттике, вторым по важности после Панафинейских торжеств» [1].

Дионисии, я напомним, – это празднества в честь бога вина, педераста Дионисия. В честь существа, не имеющего чести!?! Но... в чьих **интересах**? Кому и зачем надобно было именно **такое** событие, длящееся на протяжении пяти дней подряд?

Мы с вами, читатель, мыслим, я полагаю, всегда исключительно четко и предельно ясно, потому и умозаключения наши неизменно истинны и не расшибаемы никакими контраргументами: день шахтера придумали – не экологи, ежегодный праздник пива проводят – не врачи, дионисии и вакханалии во славу бога вина организовывали не трезвенники, но – виноделы и виноторговцы.

«Железная» логика!

Кто у нас в России так настырно да с такой помпой забодяживал общегородскую тусню – «праздник пива» с дармовщинным пенным пойлом? Да те, кто это пойло производил и продавал.

В Элладе были и другие праздники, приуроченные к различным стадиям брожения молодого вина: Сельские Дионисии (декабрь – январь); Линеи (январь – февраль); Антестерии (конец февраля – начало марта), начинающиеся днем «откупоривания бочек»...

И все это – не просто многодневные тупые попойки с угрюмым утренним похмельем. Виноделы и виноторговцы – народишко изощренный, креативный, умственно бойкий, – разработали грандиозный проектище, в котором присутствовало все необходимое: сценарий, режиссура, сюжетная линия... И вот это-то и указывает на то, что хорошо организованная мистерия

хорошо организованна *кем-то*: есть сценаристы, вдохновители, спонсоры, а в нашем случае, они же и его заказчики. Мистерия – не стихийное явление, не некое спонтанное «творчество народных масс».

Заказчики, т. е. деятели от винного бизнеса, шустрили с размахом. Они не просто превратили фаллос – в фетиш. Эрегированный фаллос в мистериях Диониса изображает *самого Диониса* [2]! И затем уже на этот фаллос, сотворенный из красной кожи, торгаши и виноделы, натянули все, что могли: хор, пляски, театрализованные представления, выступления поэтов... И праздничная, торжествующая процессия, идущая через весь город, несла его вздымая его высоко над собою, несла эрегированный фаллос, как рекламный бренд тогдашней виноторговли. Вот, как пишет об этом, в своей комедии древнегреческий драматург Аристофан [3]:

А вы, рабы, повыше подымите фалл

И следуйте сейчас за кошеносицей.

А я за вами с песнею фаллической.

А мать на нас пусть с крыши смотрит. Ну, вперед!

И шли вперед участники процессии: пьяные, экзальтированные, одетые в козлиные шкуры, с венками на головах, вымазав лица винной гущей... Несли амфоры с вином, корзинки с фруктами, вели жертвенных животных и распевали песни...

Древнегреческий философ Аристотель считал, что комедия возникла от запевал фаллических песен, трагедия – от запевал дифирамба [4]. Причем, по его мнению, разница между трагедией и комедией незатейлива: «одна стремится подражать худшим, другая – лучшим людям, нежели нынешние» [5].

Конечно, дионисизация Эллады была выгодна не только тем, кто непосредственно грел руки на спаивании народа. Население, существующее в ужасных жилищных и бытовых условиях, несущее тяжелейшее бремя каждодневного физического труда, живущее в атмосфере почти полного бесправия и практически ничем не ограниченного насилия, конечно же, и само очень нуждалось если уж не в защите от действующих угроз, так хотя бы в средстве временного избавления от постоянно ощущаемого психического напряжения. И такое средство, и даже не одно им было предоставлено: бог, вино, зрелища и оргии, т. е. свальный грех, как говорили у нас на Руси. И, конечно, же – пляски, игры и песни. Размышляя о последнем русский историк литературы А.Н. Веселовский (1838–1906), сделал совершенно верный вывод: «Таков характер древнейшей *песни-игры*, отвечавшей потребности дать выход, облегчение, выражение накопившейся физической и психической энергии путем ритмически упорядоченных звуков и движений» [6]. Соучаствуя в коллективной истерии, человек получал награду – психофизический катарсис.

С другой же стороны, вакханалии были выгодны и представителям власти.

Конечно, не все было весело, как описывается оное в древних книгах, нередко были случаи противостояния, и даже вооруженного противостояния дионисизму. Об одном таком случае рассказал в трагедии «Вакханки» великий древнегреческий драматург Еврипида Еврипид (480–406 до н. э.).

Царь Пенфей, считая культ Дионисия безнравственным, выступил против распространения этого культа в Фивах, вопреки мнению знаменитого, слепого прорицателя Тиресия Фивского и позиции своего деда Кадма, бывшего на стороне бога вина:

Пенфей:

Прочь руки, дед! Сам бражничать ступай,

Меня ж безумьем заражать не думай!

А за болезнь твою мне даст ответ

Наставник твой [7].

В результате, Пенфей, отправившийся в горы, растерзан собственной матерью и пьяными вакханками, находящимися в состоянии безумия, наведенного Дионисом:

Хор:

Воспляшем в честь Вакха – и слава ему!

Мы кликом восславим Пенфееву смерть.

Погиб Пенфей – отродье... [8]

Иное дело – выше упоминаемый афинский тиран Писистрат. Насильственным путем, да еще к тому же только с третьей попытки, взявший бразды правления в свои руки, Писистрат, естественно, опасался посягательств как на свою жизнь, так и на свое шаткое положение, как со стороны своих военно-политических противников – реальных претендентов на власть, так и со стороны простого, вечно недовольного народа.

Как тут быть? Что делать, чтобы обезопасить себя и свою семью, да при этом еще и не уступив противникам ни куска из того, что уже захвачено?

Самое первое – и Писистрат это сделал – разоружить своих подданных: устроив смотр войска у храма Фесейона, он хитростью отобрал оружие у собравшихся, и сказал, что «по поводу случившегося не надо ни удивляться, ни беспокоиться, но следует возвратиться по домам и заниматься своими делами, а о всех общественных делах позаботится он сам» [9].

По мнению Аристотеля, одна из самых характерных стратегий Писистрата заключалась в том, что он стремился отвлечь народ от политики и, таким образом, обеспечить свою безопасность. Именно с этой целью Писистрат выступил с инициативой предоставлять государственный кредит нуждающимся землевладельцам, дабы они надежно увязли в трудах своих праведных, и не имели б ни желания, ни сил, ни времени вникать в вопросы жизнедеятельности общества и власти, и не поднимали б свой нос выше корыта и предмета своей профессии. В наше время этот концептуальный посыл, беспардонно претендующий на статус аксиомы, шляется по умам тут и там уже в совершенно цинично-похабном виде: «Нужно, чтобы каждый занимался своим делом!»

Оказывал тиран Писистрат, владелец Пангейские рудников во Фракии, богатых запасами серебра и золота, покровительство и культуре, и искусству, и олимпийским играм... А то как же? Не зря ж Рэй Брэдбери, раскусивший подобных тиранов, писал: «Как можно больше спорта, игр, увеселений, пусть человек всегда будет в толпе, тогда ему не надо думать» [10].

А чтоб еще поменьше думали, Писистрат, и тут его чаяния совершенно сомкнулись с интересами виноделов, и объявил Великие Дионисии *официальным* всенародным праздником, т. е. предоставил карт-бланш – полную свободу спаивателям в сфере спаивания живущих в Аттике.

Размышляя об этом весьма продвинутом для того времени общественно-политическом деятеле, хорошо понимаешь: для обеспечения собственной безопасности, он, не думая, разрушит села и города, лишит здоровья и ума целый народ, похерит веру своих собственных предков, станет поклоняться чужеземным алтарям и божествам. Тиранами становятся самые напуганные люди...

Уж на что, казалось бы, самым наидичайшим народом в те времена были скифы, но даже они, как писал Геродот, осуждали «эллинов за вакхические исступления. Ведь, по их словам, не может существовать божество, которое делает людей безумными» [11]. Не может существовать! Потому-то Диониса и отказывались признавать богом. Повсеместно. И культ его повсеместно встречал противодействие.

Геродот далее пишет, когда скифский царь Скила тайно от своих соплеменников принял посвящение в таинства Диониса-Вакха, они подняли восстание. И царь бежал во Фракию. Скифы на Фракию пошли войной. До сражений дело не дошло: Скила был без особых проволочек выдан, и соплеменники, не долго мешкая, срубили с плеч его заблудшую, впавшую в безумие голову.

Историк Галина Бедненко в своем очередном исследовании «Боги, герои, мужчины», утверждает: «Бог Дионис предлагает людям «перерыв на безумие» [12]. Прекрасная в своей

лапидарности формулировка! И суть ее, – вот она – историческая преемственность истины! – совершенно точно перекликается с тем, что еще две тысячи лет тому назад в письме сыну Луцилию писал римский философ-стоик Сенека: «опьянение – не что иное, как добровольное безумье. Продли это состояние на несколько дней, – кто усомнится, что человек сошел с ума?» [13].

Не пришелся по вкусу культ Диониса со всеми его плясками, песенками да попойками и евреям. В 168 г. до н. э. сирийский царь Антиох IV Эпифан, опираясь на часть жречества, удумал, насильственно эллинизировать жителей Иудеи. Начал оригинально: вломившись со своими пособниками в Иерусалимский храм, он заявил, что отныне это не храм, а – святилище Зевса Олимпийского. Затем, собственноручно зарезал на алтаре жертвенную свинью, категорически запретил евреям производить обрезание, отправлять иудейские ритуалы, и при этом разрешил, и даже призвал всех собравшихся присоединяться к посвященным в таинства бога вина Дионисия. В общем, наложил табу на все иудейское, восхвалил все греческое. И для пушей убедительности, санкционировал религиозные преследования, сожжение священных книг, грабежи и публичные казни.

Вот, что об этом утверждается в «Книге Маккавеев»: «Всех тяготило отвратительное распространение порока: ведь Храм наполнился распутством и разгулом язычников, развлекавшихся с блудницами и сходявшихся с женщинами в священных дворах, и к тому же вносивших внутрь непотребные вещи. А жертвенник был завален приношениями запретными, не дозволенными законами. Невозможно стало ни отдыхать в субботу, ни соблюдать отеческие праздники, ни даже попросту называться «иудеем». Каждый месяц, в день рождения царя их силком приводили есть внутренности жертвы, а на Дионисиях заставляли, в венках из плюща, участвовать в шествии в честь Диониса» [14].

Неизвестно, стали бы в конце концов евреи свининойядящими греками и бахусопоклонниками или нет, если бы... Однажды, как повествует «1-я книга Маккавеев», а также Иосиф Флавий в «Иудейских древностях», в маленький городишко Модин, что на западе от Иерусалима прибыл царский чиновник – проконтролировать соблюдается ли предписанный порядок жертвоприношения. И дал указание местному священнику Маттафию исполнить ожидаемое от него. Священник отказался. И тогда некий тамошний еврей, проявив инициативу, приблизился к алтарю, чтобы угодить сирийскому сатрапу – провести положенный обряд. Но тут священник Маттафия, вспылав негодованием, в исступлении разодрав на себя одежду, убил и еврея-коллаборациониста, и прибывшего чиновника. И разрушил языческий жертвенник. И бежал с пятью своими сыновьями в пустыню, призывая верных Богу следовать за ним. В общем, началось великое иудейское восстание, которое и закончилось вскоре – в 164 году до н. э. – полной победой униженных и оскорбленных.

С тех самых пор и ежегодно в честь той победы и отмечается еврейский праздник Ханука...

Кстати, уважаемый читатель, коль уж мы затронули тему Диониса, то, быть может, имеет смысл дать о нем небольшую справку.

Дионис, он же – Вакх, как свидетельствует греческая мифология, плод прелюбодеяния – сын Семелы, тайной любовницы Зевса, родился шестимесечным недоноском. Первые три года жил на Парнасе, где воспитывался богиней Ино, как девочка (из соображений маскировки). Потом проживал в Израиле в пещере близ древнего города Ниса (Скифополис, Иорданская долина) с нимфами, которые и научили его превращаться в быка и в козла. Затем оборотень Дионисий попал в очень плохую компанию – связался с демоном Силеном, и был этим пропойцей обучен самому наиподлейшему на Земле ремеслу – ремеслу виноделия. Тогда же к нему примкнула и целая свора козлоногих, сексуально озабоченных сатиров – демонов, проводящих время в пьянстве и охоте за нимфами.

И вот тут-то в ход событий и вмешалась великая богиня Гера, покровительствующая браку, охраняющая святость и нерушимость брачных союзов. Она попросту ввергла Диониса в состояние постоянно действующего безумия. И безумный Дионис начал бродяжить по странам Азии и Африки. И всюду, куда бы они ни приходил, он обучал людей виноделию и производству пива [15], и, попутно, тех, кто отказывался признавать его богом, убивал или же сводил с ума.

В конце концов, Дионис добрался до Фригии, где богиня Кибела-Рея исцелила его от умопомешательства, наведенного Герой, но при этом – приобщила к своим оргиастическим мистериям. Трудно сказать, что лучше: прежняя ли дурь или же новая. Но – «дареному коню в зубы не смотрят». Вместе с тем, неясно, насколько сей божок стал здоровее, т. к. и после встречи с Кибелой, в каком-либо благоразумии Дионис замечен не был. К тому же, по-прежнему за ним плелись вакханки – толпы безумствующих, пьяных женщин, со спутанными волосами, сокрушавшие тирсами все на своем пути.

Бледные копии древних адептов культа бога вина, миссионеров международной тоталитарной секты алконавтов, мы и сегодня встречаем повсеместно и ежедневно. В том числе, на телевизионном экране: эта погань совершенно на законном основании вползает в наше жилище под обликом холеного сомелье, бородатого историка, министра торговли, министра сельского хозяйства, врача-нарколога, которые выступают, как бы ради просвещения или же в целях борьбы с некими суррогатами, на самом же деле ведут оголтелую пропаганду все тех же идей Диониса, пропаганду «хорошего», «качественного» вина и «настоящей» русской водки.

Итак, как выше мы уже обозначили, далеко не все и не везде признавали власть Диониса. Например, когда этот растлитель народов со своей нечистью пировал в долине, он был энергично атакован царем эдонов – жителями Фракии – Ликургом. Спасаясь от нападающего, бог вина бросился в море, где ему предоставила убежище богиня Фетида. Несколько очухавшись, после произошедшего, божок наслал на Ликурга безумие, и царь, пребывающий в умопомешательстве убил собственного сына. Зевсу же показалось, что этого недостаточно, и он, уже в свою очередь, будучи в состоянии крайней степени возмущения, еще и ослепляет уже безумного Ликурга [16].

Отказались признавать Диониса богом, и присутствовать в лесу и в горах на празднестве в честь бога вина, и три дочери царя города Орхомен Миния, за что мстительный, болезненно обидчивый божок тотчас же превратил девушек в летучих мышей [17].

Впрочем, не лучше приходилось и некоторым почитателям Диониса. Так, например, некий Икарий, живший, как повествует древнегреческая мифология, в Аттике в царствование Пандиона, в награду за оказанное гостеприимство получил от Диониса виноградную лозу и меха с вином, став, соответственно, первым человеком, научившимся делать вино. Этим вином Икарий, недолго думая, угостил встретившихся ему пастухов. Те же, почувствовав опьянение, истолковали – и правильно истолковали – свое состояние, как отравление, и, с перепугу попросту убили незадачливого угощателя.

Эта поучительная история нашла свое достойное место в творчестве великого древнегреческого писателя Лукиана. Великая богиня Гера, покровительница брака, охраняющая святость и нерушимость брачных союзов, резонно возражала своему мужу – Зевсу, богу неба, грома и молний: «Ты, кажется, не прочь похвалить Диониса и за его изобретение – виноградную лозу и вино, хотя сам видишь, какие вещи делают опьяненные, теряя самообладание, совершая преступления и прямо впадая в безумие под влиянием этого напитка. Вспомни, что Икария, который первый из людей получил от него в дар виноградную лозу, убили мотыгами собственные сотрапезники». На что Зевс, – гром и молнии есть – ума не надо, – тупо отвечал хорошо нам известным «железобетонным» аргументом: «Все это пустяки! Во всем виновато не вино и не Дионис, а то, что люди пьют, не зная меры» [18].

Знакомо, не правда ли? Прав, совершенно прав был мудрец Экклезиаст: «нет ничего нового под солнцем»!

Кстати, как утверждает римский писатель Гай Юлий Гигин, после сотворенного, убийцы Икария поспешно бежали на остров Кеос (южная часть Эгейского моря). Дочь же Икария – Эригона – с помощью отцовской собаки, вернувшейся домой, нашла труп, и, пораженная увиденным, «лишила себя жизни, повесившись на том же самом дереве, под которым была могила ее отца. Тем временем на афинской земле множество дев лишили себя жизни, удавившись без видимой причины. Но для нас-то, читатель, тут тайны нет никакой: Эригона перед смертью молилась о том, чтобы *той же смертью*, какую она намеревалась встретить, умирали и дочери афинян, если только они не установят причину смерти Икария и не отомстят за него» [19].

В общем, всюду где только появлялся Дионис, со своими пьяными, бесноватыми вакханками, лилась кровь, страдали и гибли люди. Конечно же, и сам Дионис, время от времени входивший в состояние бешенства, лично и совращал, и калечил, и убивал.

Вот еще один, как иллюстрация к сказанному, пример из работы древнегреческого писателя Аполлодора: «Дионис прибыл в Аргос: так как там его тоже не стали почитать, он поверг женщин в безумие. Они бежали в горы с грудными младенцами на руках и стали пожирать их мясо» [20].

Криминальная история бога Диониса, конечно, еще не написана. Но ведь и того, что уже написано вполне хватает, чтобы этот персонаж был пригвожден к «столбу позора» в памяти каждого человека психически нормального, пользующегося традиционными, общепринятыми ценностями. Но, увы! И поэтому можно только озадачиваться вопросом без ответа: о чем думали, и думали ли те, кто своим бизнес-структурам давали имя inferнального чудовища? Например, абаканская компания ООО «ДИОНИС», предоставляющая посреднические услуги при покупке недвижимости; или – московская ОАО «Дионис», предлагающая широкий выбор детских спортивных конструкций; или – международная сеть салонов верхней одежды «Дионис»? Почему же именно «Дионис», а, скажем, не «Гитлер», чья политика привела к гибели по не полным подсчетам 65 миллионов человек; почему не «Пол Пот», которому вменяется в вину истребление от 1 до 3 миллионов жителей Камбоджи; почему на худой конец, не «Чикатило» – серийный убийца, педофил, садист, некрофил и каннибал, убивший на сексуальной почве – и это только из того, что было доказано – «а) 21 мальчика в возрасте от 8 до 16 лет; б) 14 девочек в возрасте от 9 до 17 лет; в) 18 девушек и молодых женщин» [21]? У растерзанных людей были множественные ножевые ранения, разрезанные животы, отрезанные молочные железы, вырезанные половые органы...

А ведь кровавый покровитель вина, на которого прямо любуются иные ученые да писатели в этнографической, исторической и художественной литературе, – стоит в одном ряду со всеми этими извергами. И его героизацией настойчиво и занимались, и занимаются люди далеко не бесталанные. Например, тот же древнегреческий поэт Нонн Панополитанский, создавший самую крупную в поздней античности эпическую поэму «Подвиги (Деяния) Диониса». Поэма в 48 книгах, состоящая из 48 песен общим объемом приблизительно в 22 тысячи стихов!

А как тут не вспомнить А.С. Пушкина, который, не только «сам обманываться рад», но и когда традиционно хорошим тоном считалось вплетать в стихотворческую ткань разные словечки из греко-римской классической древности, в 1825 году написал «Вакхическую песню» [22]?

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!

Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!

Быть может, 200 лет тому назад стихотворцам было еще неизвестно – первое, что делает алкоголь, так это – лишает человека разума, и потому очень мимо истины все эти пушкинские здравствования? Очень даже, что и быть может...

Я, конечно, совершенно согласен с тем, что Александр Сергеевич – «солнце русской поэзии», как сказано о нем в извещении о смерти 30 января (11 февраля) 1837 года в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», но ведь и на солнце, как известно, есть пятна. И таких «пятен» на нашем «солнце», к сожалению, немалое количество. И именно подобные «пятна» создавали и создают моральный комфорт тем, кто, зачарованно внимая светилам – литературным и иным, дрейфует в постыдную алкогольную трясику, из которой мало кому удавалось выкарабкаться живехоньким на сухое место.

Не словом, но кистью помогали укреплять культ Вакха известные живописцы Рубенс, Тициан, Бугро, Пуссен, Карраччи, Себастьяно и многие прочие, старательно воссоздающие на своих полотнах вакханалии. Напомню, слово «вакханалия» в переводе с греческого означает: «неистовый пир, развратное празднество, иступленная попойка дикий разгул» [23], т. е., попросту говоря, групповуха, как совершенно верно подметил в своем эссе «Вакханалии в живописи» наш современник, врач нейрохирург Талейсник С.Л. [24].

В эту же дуду старательно и бездумно дули, конечно же, и музыканты. Даргомыжского, например, разнесло в 1848 г. на оперу-балет «Торжество Вакха», Дебюсси сподобился в 1882 г. на сюиту «Триумф Вакха», Массне в 1909 г. родился оперой «Вакх»...

Я абсолютно уверен в том, что, если бы всем этим рьяным пропагандистам кто-нибудь – мать, отец, учитель – своевременно объяснил бы на пальцах, что торжество и триумф Вакха – это триумф и торжество разврата, расчеловечивания, тотального отрицания этики Христа, – а их картины, стихи и оперы – наичистейшей воды богоборчество, – едва ли они стали бы упрямиться, и впадать в защиту того, у чего в услужении, фактически, они столько времени пребывали.

Впрочем, вполне возможно, что я сегодня не в меру оптимистичен...

Но позвольте, вполне может сказать, иной мой читатель, это же все мифология – Вакх, Дионис, Бахус, – фэнтези?!

Я-то согласен, что мифология и фэнтези, но и вы согласитесь с тем, что и самого современного человека можно запросто уколошить доисторическим каменным топором. Так зачем же замахиваться? Зачем насаждать всю эту пропитейную психологию, философию да эстетику, и насаживать на древность современность? Тем более что, во-первых, мифы – это, как оказывается, не такая уж и выдумка, они, что уже доказано, по крайней мере, многие из них имеют совершенно реальное присутствие в истории человечества; во-вторых, люди так устроены: они способны поверить и в не существующее и не могущее существовать. Например, те же ваххабиты-смертники, уверовавшие в то, что если, используя пояс смертника, разорвать себя в клочья, то будет тебе гарантированно даровано райское местечко. Я могу принять концепцию самопожертвования в битве во имя Аллаха. Могу. И, допустим, погибший – мученик. Но... распахнет ли для *таких* «мучеников» ангел Рыдван двери райские, если при этом одновременно убиты, – как совершенно несущественный довесок, что ли к акции, – ни в чем не повинные дети Аллаха? В школе Беслана, в городском автобусе, в метро?..

Так вот, оказывается, даже воображаемая, из пальца высосанная фикция, способна воплощаться в реальные и очень страшные результаты. Например, только в России, как утвер-

ждается в материале, размещенном 19 января 2016 г. на сайте Роспотребнадзора, сторонников вхождения в состояние веселухи через самоотравление с помощью спиртосодержащих жидкостей, т. е. бахусопоклонников ежегодно погибает около 500 тысяч [25]. Ежегодно! 500 тысяч! Тех, кому без интоксикации ну, прям, никакой, совершенно никакой радости. Принимать же себя, себе подобных и свою жизнь таковыми, каковыми они являются – мы ж не лохи, поди?! Непременнo нужно «залить шары», чтоб зырить из себя на себя и на все остальное исключительно и только через винные градусы. Вот это – жизнь! «Поднимем стаканы, содвинем их разом!»

Ну, это все в России...

А что ж было, например, в том же Древнем Риме?

Древнеримский историк Тит Ливий: «Из Этрурии эта зараза проникла в Рим» [26].

Это Тит Ливий о культе Диониса, о вакханаливщине – **зараза**! Более того, он квалифицирует данное явление строго и точно, как «**заговор** внутри государства»! И когда стало известно, пишет историк, что зараза уже проникла в Рим, консулам Спурию Постумию Альбине и Квинту Марцию Филиппу было поручено этот тайный заговор тщательно расследовать. И они расследовали, и они установили, что сначала этой **заразой** были заражены только женщины, и обряды, посвященные Вакху, проводились только днем, и только три раза в год. Но, как известно, аппетит приходит во время еды – постепенно порядок изменился: и вот уже к обрядам допускаются и мужчины, обряды проводятся по ночам, а посвящение новичков совершается по несколько раз в месяц...

Слово свидетелю: «Как только туда вводят посвящаемого, его, словно жертвенное животное, передают жрецам, а те отводят его в помещение, где отовсюду звучат вопли и завывания, пенье и музыка, кимвалы и тимпаны, чтобы заглушить крики насилуемого. <...> Мужчины там больше занимались друг другом, чем женщинами, а тех, кто уклоняется от мерзких объятий или идет на них неохотно, таких убивают как жертвенных животных. Терпимость к любым преступлениям и кощунствам у них считается верхом благочестия. <...> Обычно жертвой становятся те, кто отказывался или вступить в заговор, или участвовать в преступлениях, или удовлетворять чужую похоть. <...> Последние два года действует правило, по которому к таинствам приобщают лиц не старше двадцати лет, ибо этот возраст легко сбить с пути и вовлечь в разврат» [27].

Конечно, Древний Рим, как нам сегодня хорошо известно, не заповедник праведности, нравственности и законности. Даже не смотря на уже существующее высочайшее достижение цивилизации – римское право, гигантский шаг от дикости и полного произвола. И, тем не менее, доклад о существующих вакханалиях чрезвычайно взволновал сенаторов. Возможно, как предполагал Ливий, «они опасались и за судьбу государства, которое могло пострадать от заговора, и за судьбу своих близких и родственников, которые могли быть в заговор вовлечены». И сенат – высший государственный орган власти – в 186 г. до н. э. постановил: «Учинить розыск и поимку в Риме, а также по городкам и торжищам всех жрецов и жриц Вакха и передавать их консулам; огласить в Городе и разослать по Италии эдикт, запрещающий участникам вакханалий устраивать сходки и собрания для отправления своих обрядов, но в первую очередь привлечь к ответственности тех, кто использовал эти собрания и обряды в безнравственных и развратных целях» [28].

Необходимо отметить, что религиозная толерантность Рима в те времена была достаточно высокой. Это следует из того, что римляне, завоеывая все новые и новые территории, на завоеванных территориях оказывали местным богам порой те же почести, что и богам своей государственной религии. Более того, в формирующемся римском пантеоне без особых сложностей получали прописку самые разные «иностранцы»: Диана, Геркулес, Митра, Кибела и другие божества, некоторые из которых происходили все из той же греческой культуры. Кроме

того, общины мигрантов, при условии, что они не хулят богов Рима, совершенно свободно отправляли свои религиозные обряды в пределах города и соблюдали свои традиции.

Вы представляете, как накалились сенаторы, если при такой традиционной веротерпимости, они приняли столь жесткое решение по Вакху (Дионису) и сборищам в его честь? И перед тем, как это решение было распространено по всей Италии, взойдя на ораторскую трибуну и торжественно помолившись, перед многолюдной толпой выступил консул Спурий Постумий. Консул сказал: «Квириты! (Квириты – официальный титул, с которым в Древнем Риме обращались к полноправным гражданам. – Прим. Е.Б.). Еще ни разу, ни на одном народном собрании эта торжественная молитва богам не была до такой степени уместной и необходимой. Она должна вам напомнить о том, что именно этих богов ваши предки заставляли чтить обрядами, жертвами и молитвами, а не тех, которые словно фурии своими бичами гонят к всяческим преступлениям и к разнузданному распутству умы, ослепленные превратными и чужеземными суевериями.

С давних времен по всей Италии, а теперь уже и у нас в Городе, справляют в разных местах вакханалии: не сомневаюсь, что об этом вы знаете не по слухам, но по грохоту и завываниям, которые по ночам оглашают весь Город; но я совершенно уверен, что никто из вас и не знает, что такое вакханалии. Одни думают – это обряд богопочитания, другие в них видят дозволенные игры и увеселения, но как бы то ни было, по общему мнению, участвуют в них немногие. Что касается числа их участников, то оно измеряется уже многими тысячами, но чтобы вас не слишком пугать, поясню, кто эти люди. Большую часть их составляют женщины, с которых, собственно, и началось это зло. Затем – уподобившиеся им мужчины, растленные и растлители, исступленные, обезумевшие от ночных оргий и попоек, грохота барабанов и собственных воплей. Сейчас преступное сообщество бессильно, но оно набирает силу с устрашающей быстротой, ибо численность его растет со дня на день. <...> Если бы вы знали, в каком возрасте юношей приобщают к этим нечестивым таинствам, то вы бы не только пожалели их, но вам было бы и стыдно за них. Неужели, квириты, вы полагаете, что, дав такую клятву, юноши могут служить в вашей войске? Им ли, прошедшим школу разврата, вы захотите доверить оружие? Неужели, покрытые позором и бесчестьем, они будут отстаивать на поле брани честь ваших жен и детей?

<...> Я счел необходимым об этом напомнить, чтобы суеверие не смущало ваши умы, когда мы приступим к уничтожению вакханалий и к разгону нечестивых сборищ. А именно это мы и собираемся сделать с изволения и при помощи бессмертных богов, которые давно уже гневались на то, что их именем прикрывали разврат и преступления, и теперь разоблачили эту гнусность – не для того, чтобы оставить ее безнаказанной, но чтобы со всей строгостью покарать. Сенат поручил мне и моему коллеге чрезвычайное расследование этого дела, и мы полны решимости выполнить свой долг. Младшим магистратам мы поручили организовать ночные обходы города. Но необходимо, чтобы и вы, квириты, ревностно выполняли каждый на своем месте, приказы, которые вам будут даны, и пресекали любые попытки мятежников устроить волнения и беспорядки» [29].

Вот, что такое Дионис, он же Вакх, и он же – Либер! Мерзкий, злопамятный божок, страдающий от комплекса неполноценности, во чью славу изобильно струились стишки поэтов, а живописцами создавались полотна. Кого и что возносим, мастера культуры?! Ради чего и – в чьих интересах?!..

И консулами приказы были отданы. И во исполнение решения сената, жрецов Вакха разыскивали и задерживали. И не только жрецов. Всего же сторонников растления и винопития – вакхантов – оказалось более 7 тысяч. Часть из них – тех, кто очевидно был причастен к каким-либо преступлениям, казнили незамедлительно, тех же, кто только успел вступить в сообщество дегенерирующих мракобесов, заключили под стражу. Святилища Вакха по всей

Италии были уничтожены. Сами же вакханалии постановлением сената – строжайше запрещены.

Однако, как отмечает Словарь Брокгауза и Ефрона: «Совершенно искоренить эти безнравственные мистерии не удалось, а имя их надолго осталось для обозначения шумных попок, и в этом смысле употребляется и у нас» [30].

Культ Вакха – экономически выгодный проект винооторговцев, культ, в котором, как необходимая его составная часть, присутствовала стратегия развращения, получил колоссальный размах. Винооторговцы прекрасно понимали, что вино – катализатор разврата, а разврат – катализатор винопития. Свою лепту в объяснение этой закономерности внес и Л.Н. Толстой. Великий мыслитель земли русской писал: «Пьют и курят не так, не от скуки, не для веселья, не потому что приятно, а для того, чтобы заглушить в себе совесть» [31].

Но совесть глушат – люди пьющие, у виноделов же и винооторговцев ее нет. У них вместо совести – своекорыстный расчет, под которым ничего ни личного, ни общенародного. И поглощены они всецело только тем, чтобы с помощью дионисий, вакханалий, застолий – рестимулировать в человеке все противоестественное, с помощью вина – парализовать этику, с помощью словес, вложенных в уста божества – придать винопитию высший, сакральный смысл...

И все это у них – не везде, но во множестве мест сладилося превосходно – «Стучат и расходятся чарки, Питейное дело растет».

И вот тут, вы только представьте, вдруг, – нате вам! – Священное Писание, переведенное на греческий язык, очутилось именно там, где живут вино покупающие греки!? И не просто Писание, но повелевающее: «не смотри на вино – оно укусит, и ужалит, как аспид»?! Хуже того, из его текста совершенно ясно следует, что пить *броженое* вино – однозначно дело не Богоугодное.

Можно ль было с подобным смириться?

Вот почему я утверждаю, в том числе, на основании выше изложенного, что «возмутительные» ветхозаветные высказывания были нейтрализованы *не без участия*, а даже *при непосредственном участии* и виноделов, и винооторговцев.

Что же было сделано? О чем вообще речь?

Понятно, что просто взять, да и выдрать из текста противовинные строки – дело совершенно невозможное. Первые же читатели Библии моментально уличат таких тенденциозных грамотеев в преднамеренной профанации и закидают грубыми булыжниками злобных насмешек.

Как быть?

Самое наипервейшее – вовремя подсуетиться и дать свое собственное толкование, тщательно замаскированное под высокое благоразумие: речь, мол, идет тут не о вине вообще, а только и лишь о злоупотреблении оным, о его потреблении в количествах неумеренных; зло же в умеренных есть благо. Эта словесная лукавая муть, отравляющая наши умы, и сбивающая нас с пути праведного, присутствует буквально всюду и рядом. В частности, она нам хорошо известна под названием «теория культурного питья». «Теория», или правильнее сказать концепция находится уже многие столетия на вооружении Русской Православной Церкви. Дабы не прослыть голословными, приведем несколько цитат из трудов только одного святого Иоанна Златоуста: «Вино дано для того, чтобы восстанавливать силы слабого тела. <...> Не вино зло, а пьянство. <...> «Можно пить вино и быть трезвым. <...> Не от вина происходит пьянство, – вино есть создание Божие, а создание Божие не причиняет ничего худого, – но порочная воля производит пьянство. <...> Не вино худо, но неумеренность порочна; вино есть дар Божий, а неумеренность – изобретение диавола» [32].

И вот такая галиматья на протяжении 12 томов! А ведь Златоуст – не отмахнешься – один из авторитетнейших отцов Церкви! Скольких подобные Златоусты, отцы Церкви, обрекли на сиротство при спившихся родителях, наслушавшихся призывов к непорочному умеренному

питию?! Сколько порушено семей, сколько загублено судеб, сколько сгибло людей?! Они не ведали, что «малая закваска заквашивает все тесто»? Тишком. Ведь нет же решительно никакой возможности обнаружить эту пресловутую незримую черту, до которой ты еще со всеми и как все, а после которой ты уже один и всеми осуждаемый. Поглощение наркотического зелья – явление не дискретное, оно – континуум.

И коль я *так* понимаю суть тех событий, как мне уклониться от надобности назвать проповедника лжи Иоанна Златоуста лютым волком в овечьей шкуре?..

Но еще большее злодеяние совершено теми, кто в интересах виноделов и виноторговцев пошел на сознательное искажение перевода Ветхого Завета.

О том, как Ветхий Завет был переведен с арамейского языка на греческий, существует единственное свидетельство – «Послание Аристее к Филократу». Правда об этом свидетельстве Еврейская энциклопедия высказывается довольно жестко и совершенно однозначно: «Аристей – фиктивный автор сохраненного нам «Послания» к (тоже фиктивному) Филократу, предполагаемому брату автора» [33].

Не очень благосклонно к «Посланию...» относится и Православная энциклопедия: «Начиная с XVII в. в науке постепенно установилось мнение, согласно которому Аристее послание является иудейским псевдоэпиграфом, созданным в апологетических целях» [34].

Однако, как бы ни ставилась под сомнение достоверность существования самой личности информатора, легенда о том, где, кем и когда был сделан перевод, тем не менее, в учебных кругах, пусть вынужденно, но принимается. Поскольку альтернативы, как в таких случаях принято говорить, нет.

Легенда же такова.

По приглашению царя Египта Птолемея II Филадельфа (правил в 285–245 годах до н. э.) из Иерусалима в Александрию прибыли 72 толковника-иудея – по 6 от каждого из колен Израилевых, которые в течение 72-х дней на острове Фарос перевели книги иудейского закона с древнееврейского на греческий. Затем перевод был представлен царю Египта, а также иудейской общине Александрии. И всеми он был признан весьма успешным. Данный перевод – «перевод семидесяти старцев» – ныне известен как Септуагинта.

Какова же была надобности в данном переводе? Очевидно, можно говорить о проявлении разных интересов разных людей. Например, царь Птолемей, как утверждает в своем «Послании...» Аристей, хотел пополнить фонд Александрийской библиотеки еще одним весьма ценным приобретением.

Профессор Соломон Яковлевич Лурье (1891–1964) – «выдающийся историк античного мира», – как утверждает аннотация к его книге «Антисемитизм в древнем мире», считает, что перевод Библии был осуществлен *не для греков*, а для нужд самих евреев – для нужд синагогального богослужения в Египте [35].

Имеет, я думаю, право на существование и моя точка зрения – перевод Библии был сделан еще и в целях духовной оккупации грекоязычного населения, путем проиудейской информационной экспансии и вербовки адептов религии. Тем самым решались задачи:

1. Снижение уровня антисемитизма, создание терпимости по отношению к евреям (ликвидация конфессиональной разницы затушёвывает межличностные и социальные противоречия).

2. Насаждение нового религиозного мировоззрения, и, соответственно, новых обрядов, идей и ценностей, способствующих отторжению от веры своих предков, от традиций, от своего исторического прошлого; превращение человека в Иоанниса, не помнящего родства, в существо, утратившее опору, и легко управляемое.

3. Оказание соответствующего влияния на истеблишмент и на население государств – потенциальных иудейских сателлитов, подчиняя, тем самым, проводимую ими внутреннюю и внешнюю политику удовлетворению собственных интересов.

4. Усиление духовно-религиозного влияния на эллинизированных евреев, утрачивающих связь с Израилем.

Следует отметить, что явление Септуагинты, как утверждал Аристей, от александрийских евреев удостоилось горячих похвал, а переводчикам были оказаны всевозможные почести и вручены награды за проделанный труд. Но совершенно иной через некоторое время была реакция ортодоксальных раввинов. Они уже в то время хорошо понимали, как минимум, два важных обстоятельства:

1. Язык и содержание откровения, ниспосланного Богом – это две, совершенно разные семиотические системы [36].

2. Если откровение дано конкретному народу и записано оно на языке этого народа, и буквами, которыми пользуется именно этот народ, то всякая попытка перевести откровение на иные языки – это не перевод учения, но его искажение, деформирование, карикатуризация.

Хуже того, древнееврейский язык относится к *афразийской* макросемье, а древнегреческий язык – к *индоевропейской*.

Кроме того, является самоочевидным, что Священное Писание, читаемое иудеем на древнееврейском языке, и греком – на языке своем, вызывает совершенно разные ассоциации, будят нетождественные друг другу оттенки эмоций и чувств.

Вспомним Ф.И. Тютчева [37]:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Поэтому, мы не можем отказать в нашем сочувствии древним талмудистам, имеющим собственное видение и свои вполне обоснованные претензии. Однако ж, не станем забывать и о нашем историческом аспекте – о том, что к переводу Септуагинты не остались равнодушны, как виноторговцы Иудеи, так и виноторговцы Эллады. И они, преследуя личные интересы, оказали-таки на перевод соответствующее влияние, т. е. внесли определенное искажение.

О том же, что перевод в целом был не безгрешен, подтверждает и хорошо известный факт: греческий текст Септуагинты полностью отвергнут талмудическим иудаизмом. Отвергнут не только по выше уже изложенным причинам, но еще и потому что перевод имел явные, грубые ошибки. Об одной из них рассказал в своей статье «Об искажении переводов Библии и о проповеди христианства евреям» раввин Берл Хаскелевич. Б. Хаскелевич обращает наше внимание на отрывок из синодальной Библии: «Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил...» (Ис. 7:14). «Однако почему *дева*? – вопрошает раввин. – В древнееврейском тексте здесь стоит слово алма, что значит «молодая женщина», «юница» – женский род слова элем (юноша). Для обозначения «девственности» существует специальное слово: бетула» [38].

Казалось бы, велика ли разница – дева, девственница и – молодая женщина? Разница, быть может, и не велика, но это – *разница*. А разница, даже если она всего лишь в виде нюанса – являет собою противоречие, двоемыслие, конфликт. Хуже того, эта ошибка, допущенная переводчиками, переползла и в Новый Завет, и стала основанием для утверждения о *непорочном* зачатии «девы» Марии, которая была обручена с Иосифом?!

Впрочем, мы с вами сейчас рассуждаем только о точности перевода. И коль мы убеждаемся, что перевод с арамейского на греческий, а затем и на русский подпорчен произволом, то как же нам не проникнуться вполне обоснованным подозрением, и не подготовиться к тому, что и в тех местах, где речь идет о виноградном соке, нам «молодую женщину» не всучат под видом «девственности»?

А ведь нам всучили! И не только из «злого умысла». И не только потому, что наисложнейшее религиозно-философское произведение – Пятикнижие Моисея, переводили наспех –

всего лишь за 72 дня. Не будем забывать: с арамейского языка на греческий переводили исключительно *евреи* – представители 12 колен, недостаточно хорошо знающий чужой и чуждый им язык, недостаточно хорошо владеющие лексической полисемией греческого языка!

Долгие годы я никак не мог взять в толк, почему в одном месте Библии говорится о том, что вино – жидкость опасная, в других же местах: вино – веселит сердце человека. И, как оказалось, не только я обратил внимание на это противоречие, но и целый ряд серьезных исследователей: митрополит Владимир (Богоявленский) [39], богослов Самуэль Баккиоки [40], диакон Иоанн (И.П. Клименко) [41]...

Так вот, эти славные ученые мужи совершенно ясно все мне и объяснили (передаю, как сам понял). При создании Септуагинты был совершен *подлог*, или, скажем помягче, были допущены неправомерные обобщения, и, соответственно, произведена подмена смыслов и значений: толковники *родовое* понятие – «вино», умудрились превратить в понятие *видовое*. Затем, понятие «вино», но уже читатели Священного Писания, в соответствии с той традицией, в которой они существовали, вновь превратили его в понятие родовое, сохранив при этом только *один единственный смысл* – «напиток, содержащий алкоголь». И теперь выходило так, что в тех фрагментах текста, где Господь и пророки одобрительно говорили о питии вина, они одобряли именно «напиток, содержащий алкоголь».

Между тем, в прошлом под словом «вино» могли подразумеваться, как жидкости, вызывающие опьянение, так и не вызывающие. Это следует, в частности, из утверждения Аристотеля: «Сладкое вино летуче, потому что оно жирное и ведет себя как оливковое масло: от холода оно не застывает и может гореть. Вином оно является только по имени, а на деле нет. И вкус у него не такой, как у вина, и не опьяняет [оно] поэтому так, как [обычное] вино. Оно немного летуче, и поэтому его можно поджечь» [42].

Более того, «в те времена далекие, теперь уже былинные», когда белое было белым, а черное – черным, каждая жидкость, получаемая из виноградных ягод, имела еще и свое собственное название: хемер, хамар, йайин, мезег, сове, асийс, шекар, шемер, тийрош...

Вот, только один маленький пример – сравнение двух фрагментов, взятых из Синодальной Библии.

1. Первая книга Моисея Бытие: «Ной начал возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он *вина*, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем» [43].

2. Третья книга Моисея Левит: «И сказал Господь Аарону, говоря: *вина* и крепких напитков не пей ты и сыны твои с тобою» [44].

Но... в *древнееврейском* тексте используется *не одно слово «вино»*, а *разные* слова, т. е. слова с разным смысловым значением!? И тут в свои союзники я вполне могу пригласить Библию, вышедшую под редакцией М.П. Кулакова и М.М. Кулакова, перевод которой выполнен не с Септуагинты, а со стандартного научного издания древнееврейского оригинала Biblia Hebraica Stuttgartensia – выше приведенный стих из Книги Левит представлен уже так: «Тогда, говоря с Аароном, Господь сказал ему: «Ни вина, ни напитков хмельных не пейте ни ты, ни сыновья твои...» [45]

Обратим особое внимание: «ни вина, ни напитков хмельных». Следовательно, в данном контексте *вино не входит в категорию хмельных напитков*! То вино, которое пил патриарх Ной, и то вино, которым Господь говорит Аарону – это совершенно разные жидкости! Но почему же они в Синодальном тексте в отличие от текста древнееврейского, переданы одним и тем же словом? Разве это не запутывает читателя?

Итак, мы видим, что благосклонное отношение церковников к вину, исторически было предопределено тем, что произошло еще во времена создания Септуагинты, т. е. более 2-х тысяч лет тому назад. Виноторговцы не могли допустить, и они не допустили, чтоб винопитие было выставлено, как деяние неугодное Богу, т. е. как грех, и они унифицировали лексику – устранили синонимы, и только вином стало именоваться все, что образуется из плодов вино-

градной лозы. Более того, они еще и «ободрали» значение самого слова «вино», и оно стало означать только то, что содержит алкоголь.

Второй исторический момент, который определил и детерминировал благосклонность церковников к винопитию – предвзятое истолкование того, что происходило на Тайной Вечере в **первый** день празднования пасхи. Подобное истолкование случилось еще в те времена, когда только начали формироваться христианские религиозные обряды, но уже были написаны Евангелия Нового Завета.

Тайная Вечера, напомним, это событие, случившееся незадолго до крестных мук Иисуса, на которой Он, как свидетельствуют евангелисты, установил Евхаристию: «И, взяв чашу и благодарив, сказал: примите ее и разделите между собою, ибо сказываю вам, что не буду пить от плода виноградного, доколе не придет Царствие Божие. И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша *есть* Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается» [46].

Почему для нас так важно это событие – Евхаристия? Потому что, как совершенно верно подметил митрополит Иларион (Алфеев), «вокруг Евхаристии стала постепенно выстраиваться вся богослужбная жизнь Церкви» [47], и потому, что это таинство – **основа** для становления человека, как христианина. Если же основа с закваской, которая заквашивает все тесто, то и все на ней возлежащее – брожение, распад, дегенерация.

Именно это происходило и продолжает происходить вот уже две тысячи лет...

Христианство зародилось в I веке в Палестине. Адептов нового учения была горстка, да и ее-то отовсюду гнали, и всюду преследовали. Достаточно сказать, что из 12 апостолов Христа 11 погибли мученической смертью, и только один – Иоанн умер в своей постели. Хуже того, вербовка в адепты долгое время особого успеха не имела. Например, когда «апостол» Павел пришел в Троаду (Александрия), то для преломления опресноков все его сторонники уместились в одной-единственной горнице (Деян. 20:8). Так оно ж и понятно, ведь даже те, немногие и нестабильно действующие общины, которые существовали, были не только автономны, но еще и разобщены, а одинокие странствующие проповедники – апостолы (не ученики Христовы), пророки (не в том смысле, как они упоминаются в Ветхом Завете) и дидаскалы, т. е. учителя действовали совершенно бескорыстно и на абсолютно голом энтузиазме. Им не принадлежала административная власть в общинах первых христиан, у них не было постоянного местожительства и собственности. К тому же они еще должны были соответствовать «Учению 12-и апостолов»: «Апостол, отправляющийся в путь (после однодневного пребывания в какой-либо общине), не должен ничего брать, кроме хлеба, сколько нужно до дальнейшей переночевки; но если он потребует денег, то он лжепророк» [48].

Конечно, одной только силою слова, даже если это Божье слово, с помощью разрозненных, бессистемно действующих одиночек, образумить и наставить на путь истинный народные массы, живущие на Земле, где господствует произвол государства и установлен приоритет материальных ценностей, где миром правят деньги, а каждый жив лишь хлебом единым, делом было совершенно невозможным. Миссия не выполняема. К тому же, сами посудите, велико ли было искушение для хоть что-то имущих и в некотором спокойствии пребывающих, когда пред ними появлялся голодранец, до безобразия исхудавший человечище с пылающим лбом и широчайше распахнутыми глазами, энергично и беспрестанно тыкающий указующим перстом в высокое небо, и твердящий: «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах!..» Это – на небесах, а пока что же – ходи в рубище, живи на подаяние, не имея собственного жилища и – молись, молись, молись? Велик ли спрос был на подобный-то образ жизни?..

А коль так, стоит ли удивляться тому, что институт апостолов постепенно захирел и, как утверждал известный историк Церкви А.П. Лебедев (1845–1908), к концу II-го века прекратил

свое существование: «Можно думать, что апостолы не перешли черты, разделяющей II век от III-го» [49].

Нет, само христианство не исчезло. Более того, оно, ставшее, фактически, идеологией обездоленных слоев общества, получило широкое распространение. Призрак Иисуса успешно бродил по Востоку и в Римской империи. Успешно формировалась и организационная структура ранней христианской церкви, позаимствовавшая многие элементы синагоги. Все большую роль играли епископы (наставники) и диаконы (помощники), с которыми мы впервые встречаемся в 1-й главе Послания к Филиппийцам святого «апостола» Павла.

Однако положение круто изменилось – произошла бурная интенсификация, когда попечительство над духовной «самодеятельностью» народных масс взяло государство, вдруг разглядевшее в происходящем некие для себя административно-политические, а значит, и экономические выгоды, и решившее поставить вероучение себе на службу.

Возможно самый первый шаг на этом пути сделал царь Великой Армении Трдат III, при котором в 301 году христианство было провозглашено государственной религией страны.

Второй шаг – эдикт, изданный в апреле 311 года, которым лютый гонитель христиан, римский император Гай Галерий дозволил христианам молиться своему Богу и жить беззаботно на своих местах.

Третий шаг – принятие в 313 году римским императором Константином Великим Миланского эдикта, которым государство, фактически, установило опеку над христианством.

И все бы хорошо, но ведь именно с этого периода адепты христианства, сами недавно пострадавшие от запретов, гонений и преследований, будто бы взяли реванш за христиан, заживо сожженных, за распятых на столбах, за разодранных львами на арене Колизея – они сами начинают запрещать, гнать, преследовать, разрушать, сжигать, убивать... В частности, христиане, следуя указу императора Феодосия I, разрушили храм Артемиды – одно из семи чудес античного мира; тот самый храм, который в 356 году до н. э. был сожжен Геростратом, но восстановлен на деньги Александра Македонского. Из здания Сената удалили Нику – знаменитую, золотую статую язычницы, богини победы, простоявшую 4 века, не тронутую даже нероновским пожаром. Запретили олимпийские игры. Игры были возобновлены лишь через 11 столетий. Египетские христиане – парабаланы, сторонники епископа Кирилла, в 415 году убили философа, математика, астронома Гипатию Александрийскую: стащили с носилок, приволокли к церкви, содрали одежды, с помощью глиняных черепков расчленили тело женщины на куски и сожгли.

Христианство, так и не ставшее религией любви, терпимости и милосердия, вероучение, совершенно чуждое русскому народу, на протяжении нескольких веков тихой сапой проникавшее в Русские земли, в конце X столетия, наконец-то, обрело статус господствующей религии, и с того момента благодаря своим ревностным адептам заговорило жестко, твердо и во весь голос. И Путята крестил мечом, а Добрыня – огнем, и рушили капища, и низвергали идолов, и обличали веру отцов и дедов, и охотно казнили несогласных... И все это продолжалось на протяжении многих веков. Так, например, летом 1227 года в Новгороде заживо были сожжены четыре волхва (языческих жреца) [50].

Ну, а что, в самом-то деле чикаться? Православие – учение милосердия. Потому-то, видимо, законом святых апостолов, как о том мы узнали из летописи – 1438 год, и предписывалось за допущенную ересь «развратника огнём сжечь или живого в землю загрести» [51].

И сжигали иноверцев заживо, и загребали в землю. И все это к удовольствию православных священнослужителей. Даже таких, как Патриарх Московский и всея Руси Иов, который назвал царя Федора Ивановича «великим самодержцем и истинным рачителем благочестия», потому что он «не единых идол сокрушая, но и служащих им до конца истребляя» [52].

И это, обратим внимание, через 6 столетий после «крещения Руси»!?

И, конечно же, сей истребитель язычников, сокрушитель идолов Православной Церковью был канонизирован, как святой. И Иов был канонизован. Правда, только в лике святителей. На Архиерейском соборе РПЦ в 1989 году.

Об отношении к вере предков и к иномыслию, можно судить еще по такому документу, как Соборное Уложение Царя Алексея Михайловича 1649 года: «1. Будет кто иноверцы, какия ни буди веры, или и Руской человек, возложить хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождшую Его пречистую Владычицу нашу Богородицу и приснодеву Марию, или на честный Крест, или на Святых Его угодников: и про то сыскивати всякими сыски накрепко. Да будет сыщется про то допряма, и того богохульника обличив, казнити, сжечь» [53].

Алексей Михайлович, будучи всего лишь царем, и церковники, будучи всего лишь обычными смертными, решили, что они вправе быть еще и непогрешимыми судьями, пребывающими между Богом и человеком, и, конечно же, над человеком, покушаясь при этом на религиозную свободу, бесцеремонно указывали, как, во что и в кого верить. И все это при том откровенно похабном, постыдном, безобразном образе жизни, который они – моралисты-пасыры – сами же и вели.

На эту тему уже сказано и много, и точно, и едко. Поэтому ограничусь лишь несколькими строками из наследия В.Г. Белинского, который в своем «Письме к Н.В. Гоголю», вопрошая стыдит последнего и обвиняет: «...неужели же и в самом деле Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, жеребцы? Попов. Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого Вы не знаете? Странно!» [54].

Римские папы, подзабывшие слова Господа, изложенные в Евангелии от Матфея – «Мирись с соперником твоим скорее...» (Мф. 5:25), «Не собирайте себе сокровищ на земле...» (Мф. 6:19), систематически снаряжали военные крестовые походы: десятки тысяч садистов, грабителей, мародеров – меченосцы, тамплиеры, госпитальеры, тевтонские рыцари и прочая алчная нечисть с крестами на плащах, на щитах, на знаменах устремились в чужие земли грабить, убивать, разрушать...

Римский папа Иннокентий III, напроць подзабывший слова Господа, изложенные в Евангелии от Матфея – «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас» – создал в 1215 году особый церковный суд католической церкви под названием «Инквизиция». И десятки тысяч инакомыслящих были искалечены, замучены, сожжены. Заживо...

И нужно сказать, что этика средневековья не осталась где-то там, во мраке далекого прошлого. Очень даже образованный и цивилизованный наш современник, профессор Московской духовной академии, протоиерей РПЦ А.В. Кураев ничуть не смущается слов своих: «В целом в Европе святой трибунал сжег более тридцати тысяч колдуний. Тоже чудовищно, конечно. Но все же – не миллионы. ... Инквизиция была оболгана сначала протестантскими, а затем масонскими авторами» [55].

Как это вам – «все же – не миллионы»?!

Вне всякого сомнения, в своем аморализме и бесстыдстве г-н Кураев тусуется на одной доске со скандально известной панк-рок-группой «Pussy Riot», которая эпатажа ради 29 февраля 2008 года в зале «Обмен веществ и энергии организмов» Московского Биологического музея им. К.А. Тимирязева, при соглядатайстве представителей СМИ, догола раздевшись, прямо на полу устроила групповуху – случку.

И ведь Кураев в своих людоедских взглядах не одинок – целое издательство «Молодая гвардия» в 2010 г. позволило С.Ю. Нечаеву не просто выпустить книгу «Торквемада», но выпу-

стит в серии «Жизнь *замечательных* людей»?! Я напомним, Томас де Торквемада – это генеральный инквизитор Кастилии, который отправил на костер по разным оценкам до 8 тысяч человек!

А ведь Господь призывал любить, в том числе, и врагов...

Выше мы уже говорили о том, что не из любви действовали виноделы, когда оказывали влияние на перевод Ветхого Завета, но действовали исходя из своих собственных шкурных интересов. И перевод Библии, как утверждал историк, филолог, еврей Соломон Яковлевич Лурье был сделан не для греков, а для нужд самих евреев. И это правда. Ведь евреи-виноделы, впрочем, как и виноделы-греки, желали, чтобы говорящие на греческом языке оставались бы и далее благосклонными к винному пойлу. Это, во-первых.

А во-вторых, необходимо помнить, что у виноделов ничего святого нет. Тем более если винодел – еврей. Еврей, ставший виноделом, это жид. Жид – не национальность. Жид – это бывший еврей или, скажем помягче, еврей-выродок, чьим богом стали деньги. Именно о нем и писал великий немецкий экономист, еврейского происхождения К. Маркс в работе «К еврейскому вопросу»: «Какова мирская основа еврейства? *Практическая* потребность, *своекорыстие*. Каков мирской культ еврея? *Торгашиество*. Кто его мирской бог? *Деньги*» [56].

Деньги – основа.

Сегодня, когда наши межличностные и общественные отношения, фактически, лишены камуфляжа, мы и знаем, и хорошо понимаем, что само существование политической партии и место гражданина в депутатском корпусе совершенно невозможны без наличия, как минимум, трех составляющих:

- люди (кандидаты, команда, электорат),
- идеи (программа, предвыборные обещания и пр.),
- деньги.

2 тысячи лет тому назад все обстояло столь же прозаично. И был кандидат на статус Мессии – Иисус. И была команда – 12 апостолов. И были внимающие Ему толпы людей, самым фактом своего присутствия на проповедях, указывающие на свою приверженность Учению. И вдоволь было «предвыборных» обещаний, ласкающих слух, льющих бальзам на сердце: плачущие утешатся, кроткие наследуют землю, алчущие и жаждущие правды насытятся, миротворцы будут наречены сынами Божиими, потому что они – соль земли, они – свет мира...

Но, вот такая закавыка: Сын Божий, в отличие от нынешних политиков, добивался не поста высокого и не престижного места в иерархии, Он хотел всего лишь быть *услышанным* и *понятым*. Согласно Евангелия от Иоанна, Его миссия заключалась в том, чтобы открыть людям имя Бога, прославить Отца Своего, (только для этого, я думаю, Он и совершил те 11 чудес, описание которых мы находим в синоптических Евангелиях) и посеять семена нового Учения. И вот: «Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть, ибо слова, которые Ты дал Мне, Я передал им, и они приняли, и уразумели истинно, что Я исшел от Тебя, и уверовали, что Ты послал Меня» (Ин. 17:7,8).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.